

MANIFESTATIONS OF THE CONTINUITY OF IMPERIAL AND SOVIET ETHNOPOLITICS IN THE 1920-S (ON THE MATERIALS OF THE SOUTHERN RUSSIA)¹

Andrey V. Baranov

Kuban State University, Krasnodar, Russia E-mail: [baranovandrew\[at\]mail.ru](mailto:baranovandrew[at]mail.ru)

ORCID 0000-0001-7847-1679

Abstract

The continuity of the imperial and early Soviet ethnopolitics of Russia remains an understudied topical issue. The Russian Federation retains a number of legal and organizational principles and ideologies inherited from the Russian Empire and the USSR. The purpose of the study is to establish manifestations of the continuity of ethnopolitics on the example of the South of Russia in the 1920s. The article is based on the application of neo-institutionalism and diachronous comparative analysis. The author proceeds from the assumption that the measures of ethnopolitics were subordinated to the goals of modernization and building a classless society. The manifestations of the ineffectiveness of the compromise of the Bolsheviks with national centrifugal sentiments in the North Caucasus (1920-1923) are revealed. The author identifies long-term civilizational and geopolitical factors that prompted the Soviet system to apply imperial methods of ethnopolitics. The differences and contradictions between the imperial and early Soviet ethnopolitics are revealed. The stages of ethnopolitics in the South of the RSFSR (1920s) are determined, their differences in the territorial and chronological aspects have been clarified. The conclusion is made about the transition in 1924 of the authorities from the creation of ethnocratic autonomies, from the transfer of the Cossack lands to the autonomies to restrictions on the status of autonomies, to their reintegration into the North Caucasian Territory. Attention is paid to the policy towards the Slavic population in the autonomies of the North Caucasus.

Keywords

Imperial and soviet ethnopolitics; Southern Russia; continuity; manifestations; empire; elite; 1920-s.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 The study was carried out within the framework of the RFBR project No. 21-09-43 110 “The relationship between the party-state power and the multiethnic society in the course of the implementation of national policy (based on materials from the North Caucasian Territory and the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, 1920s)”.

ПРОЯВЛЕНИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ИМПЕРСКОЙ И СОВЕТСКОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ В 1920-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ЮГА РОССИИ)¹

Баранов Андрей Владимирович

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия E-mail: [baranovandrew\[at\]mail.ru](mailto:baranovandrew[at]mail.ru)
ORCID 0000-0001-7847-1679

Аннотация

Преемственность имперской и ранней советской этнополитики России остаётся малоизученной актуальной темой. Российская Федерация сохраняет ряд правовых и организационных принципов, идеологем, унаследованных от Российской империи и СССР. Цель исследования — установить проявления преемственности этнополитики на примере Юга России 1920-х гг. Статья основана на применении неoinституционализма и диахронного сравнительного анализа. Автор исходит из того, что меры этнополитики были подчинены целям модернизации и построения бесклассового общества. Раскрыты проявления неэффективности компромисса большевиков с национально-центробежными настроениями на Северном Кавказе (1920—1923 гг.). Автор выявляет долгосрочные цивилизационные и геополитические факторы, побудившие советскую систему применять имперские методы этнополитики. Раскрыты различия и противоречия между имперской и ранней советской этнополитикой. Определены этапы этнополитики в 1920-х гг. на Юге РСФСР, выяснены их различия в территориальном и хронологическом аспектах. Сделан вывод о переходе в 1924 г. органов власти от создания этнократических автономий, от передачи казачьих земель автономиям к ограничениям статуса автономий, к их реинтеграции в состав Северо-Кавказского края. Внимание уделено политике в отношении славянского населения в автономиях Северного Кавказа.

Ключевые слова

Имперская и советская этнополитика; Юг России; преемственность; проявления; империя; элиты; 1920-е гг.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-09-43 110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)».

ВВЕДЕНИЕ

Преимственность имперской и ранней советской этнополитики России остаётся малоизученной актуальной темой исторической науки. Тема имеет политизированные коннотации. Так, советские историки категорически отрицали сходство между «царской» и большевистской национальной политикой (Критика фальсификаций..., 1984). Западные (Mawdsley, 1998; Каррер д'Анкокс, 2010) и эмигрантские (Авторханов, 1988) авторы, напротив, ставили знак равенства между Российской империей и СССР, придавая этому сугубо отрицательный смысл. Но в проблеме надо разобраться спокойно, на основе достоверных и репрезентативных источников, не модернизируя и не демонизируя события 100-летней давности. Российская Федерация по сей день применяет в своём государственном устройстве ряд правовых и организационных принципов, идеологем, унаследованных от Российской империи и СССР. С особой остротой тема актуальна в тех регионах Юга России, где сохраняется обособленность так называемых «национальных историографий», а события раннесоветской истории подчас используются для оправдания центробежных интенций.

Цель исследования — установить проявления преимущественности этнополитики на примере Юга России 1920-х гг.

Под Югом России мы понимаем совокупную территорию дореволюционных Донской, Кубанской, Терской и Дагестанской областей, Ставропольской и Черноморской губерний. В изучаемый период 1920—1929 гг. их статус и границы многократно менялись. Так, с 1920 по начало 1924 гг. существовал макрорегион — Юго-Восток России (ЮВР), объединявший русские области и губернии в партийном и советском, военном аспектах управления. Местности проживания автохтонных народов получили в 1921 г. статус Горской АССР и Дагестанской АССР. Летом 1924 г. Горская АССР была упразднена, её территория включена в состав заменившего ЮВР новой административной единицы — Северо-Кавказского края. Край состоял из разукрупнённых русских округов и автономных областей. Такое административно-территориальное устройство сохранялось по 1930 г.

Хронологические рамки статьи связаны с тем, что весной 1920 г. была установлена советская система власти на всей территории Юга России, вскоре, в марте 1921 г. X съезд РКП(б) определил принципы этнополитики «коренизации», а в декабре 1929 г. завершился переход от новой экономической политики (НЭПа) к командно-административной системе. По мере необходимости проводятся сравнения с предшествующим, позднеимперским периодом этнополитики 1861—1917 гг.

Теоретическую основу статьи составляют исторический неоинституционализм и сравнительный анализ. Применение первого из них обосновано необходимостью прояснить соотношение формальных и неформальных институтов, реальные практики и «коридор возможностей» управления межэтническими отношениями в раннем советском обществе (Панов, 2011, стр. 97-101, 188-194). Сравнительный анализ использован как в кросс-темпоральном аспекте (выявление сходств и различий между имперской и раннесоветской этнополитикой), так и в синхронном кросс-территориальном ракурсе (определение сходств и различий этнополитики 1920-х гг. применительно к различным частям Юга России и народам) (Фортунатов, 2021). Мы настаиваем на полезности применения конструктивистской парадигмы этничности. Индивиды объединяются в этническую группу вследствие своей социализации и осознанного выбора идентичности, а не пресловутой «крови» и «генов».

Этническая группа конструируется заинтересованными элитами, а не задана фактом рождения. Индивиды выбирают свою этническую самооценку (осложнённую конфессиональной, языковой, территориальной, родоплеменной и др. самооценками), а не «принадлежат» к некоей общности от рождения (Геллнер, 2002). Термины «нации, национальные меньшинства, национальная политика, национально-государственное строительство» с точки зрения конструктивизма заменяются на термины «этнические группы/народы, этнические меньшинства, этнополитика, этнотерриториальное строительство». Этнополитика определяется нами как система принципов, целей, направлений и видов деятельности субъектов политики по управлению этнической сферой общества и различными народами, а также их отношениями между собой и с властью. В конкретно-исторических условиях 1920-х гг. советская этнополитика неразрывно связана с федеративным строительством и территориальным размежеванием («районированием»). Именно этнополитика (на языке тех лет, «национальная политика») давала органам власти аргументы для изменения статусов административно-территориальных единиц и их границ, этнического состава правящих элит, выбора региональных языков.

Источниковая база исследования включает в себя комплекс архивных и опубликованных документов, подразделяемых на следующие виды: законодательные акты СССР и РСФСР; делопроизводственные документы органов исполнительной власти краевого, областного и окружного уровней; директивные документы Коммунистической партии; материалы партийных конференций и пленумов региональных организаций РКП(б)–ВКП(б); статистические данные переписей насе-

ления 1920 и 1926 гг., землепользования и бюджетного обеспечения; выступления и публикации политических деятелей; материалы периодической печати; воспоминания участников событий; информационные доклады, сводки и обзоры органов государственной безопасности. Большая часть неопубликованных документов хранится в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Центров документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) и Краснодарского края (ЦДНИКК), Государственного архива новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Представляют интерес также опубликованные сборники документов, в том числе, о роли ЦК РКП(б) в принятии политических решений (ЦК РКП(б)..., 2005, т. 1), национальной политике в Чечне (Вайнахи и имперская власть..., 2011), общественных настроениях по вопросам этнополитики (Данилов & Берелович, 2000, т. 2). Мы полагаем, что данная совокупность источников позволяет реконструировать изучаемые исторические закономерности.

Среди значимых для современной историографии тем необходимо отметить монографию Т. Мартина, обосновавшего концепцию «империи положительной деятельности» на примере СССР 1920-х — начала 30-х гг. (Мартин, 2011) и статью Р.Г. Суни о диалектике соотношения советского и национального начал (Суни, 2014). Теоретический анализ советской этнополитики, переосмысление понятийного аппарата её исследований проводят В.А. Тишков (Тишков, 2013, 2017), Т.Ю. Красовицкая (Красовицкая, 2012), Е.П. Малышева (Малышева, 2012). Социокультурные и институциональные особенности советской этнополитики на Юге РСФСР в 1920-х гг. выясняются усилиями Ю.Ю. Карпова (Карпов, 2017), Т.П. Хлыниной, Е.Ф. Кринко и А.Т. Урушадзе (Хлынина, Кринко, Урушадзе, 2012), А.В. Аверьянова (Аверьянов, 2020) и многих других историков. Взаимосвязь административно-территориальных реформ с этнополитикой раскрывает В.Н. Крутлов (Крутлов, 2020). Важное историко-географическое исследование изменений границ на Северном Кавказе провёл А.А. Цуциев (Цуциев, 2006). Принципиальным достижением историографии 2000—2020-х гг. стало применение междисциплинарных категорий и методик анализа социально-гуманитарных наук, осознание национальных интересов России в качестве императивов выбора государственной стратегии.

В то же время, в исследованиях этнополитики 1920-х гг. остаётся немало малоизученных и остро дискуссионных аспектов. Среди них — оценки значения Горской АССР, формирования автономий по этническому признаку, этнотерриториального размежевания 1920-х гг., раска-

зачивания, украинизации. Признавая плюрализм исторических концепций и оценок событий, следует предостеречь историков от обслуживания конъюнктурных интересов элит, от этнонационализма.

Конструктивный выход из политизации темы, на наш взгляд, — оценить советское государство в контексте долгосрочных цивилизационных процессов, ответов на объективные вызовы географии и демографии. Пора прекратить демонизировать термин «империя». В зарубежной исторической науке (Д. Ливен (Ливен, 2007), Н. Фергюсон (Фергюсон, 2013), Э. Хобсбаум (Хобсбаум, 1999), А.Каппелер (Каппелер, 2000)), налицо взвешенный взгляд на данное историческое явление как полиэтничное, поликонфессиональное государство, которое стремится обеспечить баланс интересов центра и периферии, создаёт институты и социокультурную систему иного уровня и способов организации, чем национальное государство. Постепенно такая трактовка закрепляется и в российской исторической науке. Характерны монографии С.И. Каспэ (Каспэ, 2001) и А.И. Миллера (Миллер, 2006), в которых даны академически корректные объяснения того, почему Россия стала империей, и по каким причинам данный тип государства не являлся в нашей стране этноцентристским, а, напротив, был протекционистским по отношению к интегрируемым этническим группам. Перспективны и размышления С.И. Каспэ о том, что федерализм XX в. является сублимированной исторической формой империи, её секулярным стадийным вариантом (Каспэ, 2005). Самостоятельное обоснование концепции созидательной роли империи на материалах Северного Кавказа второй половины XIX в. — 1921 г. содержится в работах В.А. Матвеева (Матвеев, 2012; Матвеев, 2016).

СОДЕРЖАНИЕ

Следует учитывать, что реальная этнополитика большевистского режима на Юге России была, с одной стороны, проекцией идеологической доктрины (принципы пролетарского интернационализма, экспорта революции, самоопределения и равноправия народов), а с другой стороны, этнополитика была бесконечным лавированием в малоизвестных для новой власти и слабо предсказуемых условиях региона. Региональные руководители большевиков (Г.К. Орджоникидзе, А.И. Микоян, Б.П. Позерн, М.С. Чудов, А.А. Андреев и др.) применяли «классовый подход» к оценке экономических и социальных структур Северного Кавказа, но постоянно сталкивались с «неудобными» для марксистского понимания явлениями: кланово-родственными, профессиональными, патриархальными и т.п. В результате советская система власти решала на Северном Кавказе, да и в русских областях Юга,

одновременно задачи ранней модернизации (в иных исторических условиях их решали бы буржуазные партии и политики) и задачи социалистического переустройства.

Характерно, что большевики сумели победить в Гражданской войне и упрочить свою власть во многом благодаря заигрыванию с этническими элитами, стремившимися к независимости либо, в более умеренном варианте, к повышению статуса своих народов и регионов. Например, в 1919 - начале 1920 гг. большевики умело использовали борьбу горских народов против Добровольческой армии А.И. Деникина, против попыток восстановить «единую и неделимую» Россию. В горах Чечни и Ингушетии действовала «шариатская армия» Имамата во главе с суфийским шейхом Узун-Хаджи и видным большевиком Н.Ф. Гикало (Морозова, 2011). Помощь ей оказала кемалистская Турция, направив военных инструкторов, оружие и финансовые средства в Чечню и Дагестан.

Тем самым, временно совпали интересы политических сил, которые позже вступят в конфликт между собой. Временными союзниками «красных» стали представители элит тех этнических групп, которые нелояльно относились к правлению имперской России и считались «революционными»: чеченцев, ингушей, ряда народов Дагестана. Как правило, на Северном Кавказе имелись унаследованные от имперского периода интеллигенты и чиновники, перешедшие от национал-либерализма к большевистской риторике. Часть из них пыталась совместить идеологемы ислама с лозунгами равенства и отказа от «наследия царизма», но толковала советскую систему в духе пантюркизма и центробежных намерений. Так, карачаевский интеллигент Н.Х. Токов в феврале 1921 г. составил послание мусульман Кавказа М. Кемаль-паше, а в октябре 1922 г. он был одним из организаторов массового митинга горцев в г. Кисловодске, участники которого выразили «готовность встать под знамя Великого национального собрания Турции» (Узденова, 2014). Среди радикальных слоёв этнической интеллигенции высказывались требования создать Черкесскую советскую союзную республику в составе Адыгеи, Кабарды, Баталпашинского отдела и Абхазии, а также вернуть на Северо-Западный Кавказ мухаджиров, вынужденно переселившихся в Османскую империю после 1864 г. (Емтыль (Калашова), 2016, стр. 140-141).

Советская система вскоре отказалась от заигрывания с подобными попутчиками. Поворот политики выразился в продрозвёрстке, грубоатеистической пропаганде, земельной реформе, неподготовленном создании коммун и революционных комитетов уже летом 1920 г. Общій экономический и политический кризис, усугублённый чрезмерными

заданиями по продразвёрстке, привёл в сентябре - октябре 1920 г. к мятежам в Чечне и Дагестане (движение во главе с имамом Н. Гочинским), в Карачае (во главе с Т. Хаджи-Каракетовым) и среди казаков Сунженской линии.

Во всех регионах мятежи были подавлены, но для казаков выступление привело к депортации, а в Карачае была создана автономная область (власть предпочла временно использовать уговоры и уступки). Различие реакции власти объясняется тем, что горские народы воспринимались большевиками как жертвы царизма и должны были в такой логике рассуждений получить возмещение за своё дискриминированное в прошлом положение. Казаки же, по словам наркомнаца И.В. Сталина, считались «исконным орудием русского империализма» и «коллективным, народным помещиком» (Сталин, 1947, стр. 282-291). Поэтому требования создаваемых этнических автономий о расширении их территории, как правило, удовлетворялись. Члены Кавказского бюро ЦК РКП(б) и Председатель Северо-Кавказского революционного комитета Г.К.Орджоникидзе одобрили приказ № 620 Кавказской трудовой армии о выселении 5 станиц Сунженской линии. 14 сентября 1920 г. это решение было утверждено участниками заседания Политбюро ЦК РКП(б) на основании докладов И.В. Сталина и М.И. Фрумкина, с характерной мотивировкой: «за счёт кулацкой части казачьего населения» (Деятельность..., 1991, стр. 164). Приказ Реввоенсовета Армии труда Юго-Востока России № 148 от 1 декабря 1920 г. возложил руководство землеустройством и переселением горских народов на земли бывших станиц на уполномоченного РВС С. Муромцева, который находился в подчинении Уполномоченного Наркомата земледелия РСФСР (ГАКК, ф. Р-158, оп. 1, д. 155, л. 5 об, 14). Депортация сунженских казаков охватила примерно 15 тыс. чел. (Жупикова, 1995, стр. 70). Характерно, что изъятые земли и инвентарь почти не использовались горцами, которые ограничились разграблением обезлюдевших станиц. Депортированные сунженцы находились в Ставропольской губернии, не получая помощи для обустройства на новом месте жительства.

В то же время, столь «интернационалистская» линия политики сталкивалась с сопротивлением части партийных, советских и хозяйственных руководителей на Юге России, понимавших, что экономический потенциал макрорегиона создаётся почти полностью земледелием в русских областях, а также промышленностью Грозненских нефтепромыслов. За отказ от депортаций казаков выступила русская часть Грозненского окружного комитета РКП(б), а за продолжение — руководители Горского обкома и подчинённого ему Чеченского организационного бюро РКП(б). 27 января 1921 г. Президиум ВЦИК РСФСР при-

остановил депортацию казаков из Горской АССР и создал комиссию во главе с В.И. Невским по расследованию проблемы (РГАСПИ, ф. 65, оп.1, д. 69, л. 1, 85). Невский предложил ВЦИКу немедленно разоружить и горцев, и казаков, обеспечить национально смешанный состав милиции и отрядов самообороны, вселять чеченцев в станицы посредством «уплотнения», без выселения казаков. ВЦИК РСФСР постановил 14 апреля 1921 г. прекратить выселение сунженских казаков вопреки мнению ЦИК Горской АССР и Осетинского округа. Часть руководителей Грозненского округа (И.В. Косиор, Кобозев, Рогачёв) предлагали вернуть депортированных на Сунженскую линию, выселить из станиц чеченцев и ингушей, создав отдельную русскую губернию с центром в г. Грозном. Но эти предложения не нашли поддержки центральной власти, а также секретаря Грозненского окружкома РКП(б) Н. Носова, обвинившего оппонентов в «колонизаторском уклоне» и «мелкобуржуазности» (Кислицын, Перехов, 1989, стр.107-109). Отражением этой полемики стала статья К.С. Еремеева в газете «Правда» 17 августа 1921 г. Её автор выступил против уничтожения высокой культуры земледелия казаков: «Искусственное перемещение населения неудачно. ... Даже богатые и многоземельные горцы не умеют вести высококультурное хозяйство» (Еремеев, 1921). 11 ноября 1921 г. заседание Юго-Восточного краевого бюро ЦК РКП(б) постановило вернуть сунженским переселенцам конфискованный сельскохозяйственный инвентарь (РГАСПИ, ф. 65, оп. 1, д. 69, л. 1). Вместе с тем, длительные попытки Сунженского окружного комитета РКП(б) и окружного исполкома Советов добиться возвращения депортированных казаков, а также вернуть округу отторгнутые Горской АССР земли остались безуспешными.

Для понимания мировоззрения представителей Советской власти на местах представляют большой интерес доклады коммунистов, воевавших в Чечне и Ингушетии, - Тимофея Гордиенко и Василия Юдина в Реввоенсовет XI-й армии (май 1920 г.). Первый из них писал, что в Чечне смотрят на большевиков как на временных союзников; «если мы будем занимать их территорию, они будут драться». В.И. Юдин отмечал: подъём доброжелательства к Красной Армии диктуется ожиданиями горцев - пограбить казачьи и осетинские станицы и отомстить виновникам сожжения своих аулов; но этот настрой пошёл на спад, когда пронесли слухи, что РККА не позволит грабить и сурово накажет за это. Постоянная фраза горцев, по свидетельству Юдина, - «белая, серая, красная свинья - всё-таки свинья» (ГАКК, ф. Р-158, оп. 1, д. 82, л. 37-40).

Характерны рекомендации В.И. Юдина: «При входе на Кавказ мы не должны ни в коем случае полагаться на горцев, наоборот, взять всех

их под свой революционный надзор и установить твёрдой рукой власть Советов, заставить их трудиться и потом уже дать полную свободу, иначе они разрушат всё строительство Соввласти...» (ГАКК, ф. Р-158, оп. 1, д. 82, л. 40). Т. Гордиенко предлагал «при занятии Северного Кавказа выделить республики по национальностям, дать выбрать своих представителей и установить строгий контроль Федеративной Республики». По словам Гордиенко, надо приучить горцев к труду, перевести «разбойников и грабителей Кавказа на трудовую дорогу», а для этого надо их переселить на равнину и снабдить сельскохозяйственной техникой (ГАКК, ф. Р-158, оп. 1, д. 82, л. 38 об). На этом примере мы видим противоречивое сочетание реалистичного восприятия ситуации в будущих автономиях с некоторым высокомерием, культуртрегерством, «ориентализмом», недоверием к горским попутчикам большевиков.

Другим конфликтным вопросом этнополитики, в котором проявилось противоречие между сторонниками «коренизации» и централизации власти, был в 1920-х гг. статус городов Северного Кавказа. Будучи очагами промышленного, торгового и культурного прогресса, города имели в основном русско-украинское население с вкраплениями диаспор — армянского, грузинского, немецкого, еврейского населения. Автохтонные народы Северного Кавказа, за исключением осетин, составляли небольшую долю горожан. Так, в г. Грозном — центре нефтедобычи и нефтепереработки союзного значения русские и украинцы суммарно составили по переписи 1926 г. 78,2 % жителей, а чеченцы и ингуши — 2,1 %. В г. Владикавказе тогда же русские и украинцы насчитывали 56,4 %, осетины — 13,8 %, ингуши — 1,9 % (Всесоюзная перепись населения... 1928, т. 9, стр. 34–51). Это объяснялось слабым распространением городских профессий и грамотности среди народов Северного Кавказа. Однако руководящие органы автономий активно претендовали на обладание городами и перенос в них административных центров, на отчисления в свой бюджет от городской промышленности и торговли. На Кисловодск претендовал Карачаево-Черкесский облисполком, на Нальчик и Пятигорск — Кабардино-Балкарский, на Владикавказ — Северо-Осетинский и Ингушский, на Грозный — Чеченский облисполком. Решалась проблема ситуативно. В одних случаях центральные и краевые инстанции поддерживали претензии автономных областей, оправдывая их необходимостью создать «пролетарские центры» (так решилась судьба Кизляра, Нальчика, позже — Майкопа). В других случаях создавались самостоятельные городские округа в прямом подчинении Северо-Кавказскому краю (Грозный и Владикавказ, 1924–1928 гг.). И только на следующем этапе, в период

индустриализации (1928 г.), г. Владикавказ был передан в состав Северо-Осетинской АО, г. Грозный — в состав Чеченской АО. Но процент «национального» рабочего класса в промышленности этих городов оставался весьма небольшим.

Говорить о сколько-нибудь достаточной прослойке образованных и квалифицированных кадров управления внутри большевистских этнических элит не приходится. Для первой половины 1920-х гг. характерна ситуация, описываемая в отчётных документах партийных и советских органов: на местах, в аулах и районах, председатели Советов и секретари партийных ячеек оставались малообразованными, неопытными в управлении. Зачастую они были связаны патриархально-родовыми и религиозными отношениями с антибольшевистскими кругами: помещиками, муллами, дореволюционными чиновниками и интеллигенцией. Проявлялась этническая и внутриэтническая (территориальная), сословная клановость. Так, в Карачаево-Черкесской автономной области соперничали группировки выходцев из феодальной знати («князей») и из низов общества; в Северо-Осетинской АО — группировки иронцев и дигорцев. Персонализация власти на уровне страны отзывалась на Северном Кавказе эхом, рождая культ местных руководителей. Например, в Кабардино-Балкарской АО непререкаемую власть закрепил за собой председатель областного исполкома Б.Э. Калмыков, диктовавший решения обкому РКП(б), органам милиции и прокуратуры.

В середине 1920-х гг. Северо-Кавказский крайком РКП(б) и Северо-Кавказский крайисполком Советов приняли ряд мер по повышению квалификации местных кадров из автономных областей, прежде всего — молодёжи и выходцев из малоимущих слоёв населения, их обучения в общих и советско-партийных школах, что несколько улучшило кадровую ситуацию, но не могло принести быстрых положительных результатов.

На наш взгляд, этнизированная модель федерализма стала идеальным рычагом дезинтеграции старого имперского пространства, но слабо соответствовала задачам реинтеграции и усиления государства с 1923 г. В начале 1920-х гг. привилегии, данные партийными и государственными органами горским автономиям, привели к «позитивной дискриминации» славянского населения. Этот курс проявился в одностороннем разоружении казачества, в депортации Сунженской казачьей линии, в преднамеренном расчленении по политическим мотивам Терской области.

Но добиться полного территориального размежевания между народами не удавалось, да это и было утопией. В автономных областях

Северо-Кавказского края по переписи 1926 г. проживало 123,4 тыс. русских (17,15 %) (Баранов, 1999, стр. 181; Кульчик, Конькова, 1995, стр. 29), а также другие славяне, евреи, армяне, грузины – народы с европейской идентификацией. Русские жители автономий многократно просили органы власти о воссоединении с губерниями и областями либо о создании отдельной административной единицы, не подчиненной Горской АССР. Члены Казачьего отдела ВЦИК, терские казаки Шабунин и Гришин в марте 1921 г. просили ВЦИК «объединить все русское население 15 станиц по их желанию в один Сунженский округ..., создав из Грозненского промыслового и Сунженского земледельческого округов единый промышленный район, как самостоятельный округ или губернию» (ГАРФ, ф. Р-1235, оп. 121, д. 149, л. 17, 18). Такое же решение принял съезд казаков в ст. Слепцовой (ГАРФ, ф. Р-1318, оп. 1, д. 179, л. 132; РГАСПИ, ф. 17, оп. 16, д. 916, л. 62). Так, на собрании жителей Сунженского округа с участием комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) в начале 1924 г. звучали выкрики: «Каждый говорит: нам хоть черту подчиниться, лишь бы не было разбоя и воровства; ...дайте автономию, несчастная Горская республика нам уже шею проела» (РГАСПИ, ф. 17, оп. 11, д. 278, л. 99).

Несколько раз Терский окружной исполком получал просьбы казаков Кизлярского района о выходе из состава Дагестанской АССР, так как местности тяготели к Терскому округу. Только 44% жителей Кизлярского района составляли народы Дагестана – мусульмане. Делегаты ст. Червленной, Гребенской, Щедринской, Курдюковской, Старогладовской и других просили присоединить местность к Терскому округу, т.к. «наши интересы в Дагестане полностью не разрешаются». Они думали, будто «в центре сейчас предполагается объединить казачьи земли в самостоятельную казачью советскую область» и просили власть предпринять этот шаг (ГАНИСК, ф. 5938, оп. 1, д. 3, л. 126-130; д. 4, л. 97-98).

На протяжении 1922 – начала 1924 гг. велась широкомасштабная работа по усовершенствованию административно-территориального устройства РСФСР, реформы («районирование») задумывались в соответствии с экономико-географическим и классовым принципами. Основными институтами, разрабатывавшими итоговые законопроекты, стали областные и краевые советы народного хозяйства, а в центре – Государственная плановая комиссия. В условиях нэпа этнический принцип районирования явно отходил на второй план, уступая главную роль соображениям рентабельности, экономии расходов на содержание аппарата управления, формированию транспортно и экономически связанных территорий. Хотя руководящие органы автономий

выдвинули свои контрпроекты, в том числе — создание единой Северо-Кавказской АССР, они не имели шансов на успех. Более того, убыточная Горская АССР, испытывая внутренние конфликты, уже сама разделилась в течение 1922—1923 гг. От неё осталась лишь небольшая территория нынешних Северной Осетии, Чечни и Ингушетии (Круглов, 2020, стр. 83-140).

А.И. Микоян и руководители Терской губернской партийной организации предложили создать казачьи автономные округа ввиду притеснений русских в автономных областях (Кислицын, Перехов, 1989, стр. 107-110). Комиссия Президиума ВЦИК РСФСР по урегулированию положения русских меньшинств в автономных областях сделала вывод: «во многих национальных образованиях Союза ССР интересы русского населения терпят ущерб в пользу коренного населения..., чем вызвано недовольство русского населения и угроза культурному уровню этих регионов» (ГАРФ, ф. Р-3316, оп. 17, д. 687, л. 112).

В рамках регулирования межэтнических отношений представляется позитивным опыт национально-территориальных преобразований 1924—1926 гг. Президиум ВЦИК постановил 2 июня 1924 г. создать Юго-Восточный (вскоре переименованный в Северо-Кавказский) край. 7 июля ВЦИК упразднил Горскую АССР и разделил ее на ряд автономных областей. Горская АССР оказалась экономически нежизнеспособной, погрязла во внутренних конфликтах партийных элит и закономерно была разделена. Несмотря на продолжавшееся игнорирование историко-культурного и социально-демографического принципов, районирование 1924—1925 гг. отчасти выравнивало баланс этнических отношений, поскольку вывело часть местностей с преобладавшим славянским населением из подчинения автономных областей.

В итоге районирования были созданы Сунженский сельский, Владикавказский и Грозненский городские округа, напрямую подчиненные Северо-Кавказскому краю с центром в Ростове-на-Дону. Баталпашинский район передавался Армавирскому округу. Создавались казачьи районы в составе автономных областей. Так, в Притеречном районе Осетии казаки составили 70,5 % жителей; в Петропавловском районе Чечни – 85,3 %; в Казачьем районе Кабардино-Балкарии – 70,9 % (Всесоюзная перепись населения..., 1928, т. 9, стр. 9). Большой Президиум крайисполкома разрешил провести съезды представителей казачьего населения Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, но управление их районами по-прежнему велось на общих основаниях (ГАРО, ф. Р-1485, оп. 1, д. 1, л. 138 об, 143, 148-148 об, 158 об).

Как полагал секретарь крайкома РКП(б) А.И.Микоян в секретном письме В.М. Молотову (январь 1926 г.), «эта мера сильно подбодрила

казаков, устранив почву для прежнего недовольства». Микоян сообщил, что казаки восприняли создание округов «как меру закрепления за ними своих земель и как гарантию невмешательства в их земельный вопрос» (РГАСПИ, ф. 17, оп. 11, д. 281, л. 12; оп. 67, д. 172, л. 74). Это подняло авторитет партийно-государственных органов власти края.

Но реформа имела свои пределы. Секретарь Терского окружкома ВКП(б) С.О.Котляр дважды (18 сентября 1925 и 4 марта 1926 гг.) предлагал в письме Генеральному секретарю ЦК И.В.Сталину вернуть Кизлярский и Ачикулакский районы Северо-Кавказскому краю, но проект был отвергнут (ГАНИСК, ф. 5938, оп. 1, д. 3, л. 126-130; д. 4, л. 97-98). Северо-Кавказский крайисполком отказал жителям Прималкинского района Кабардино-Балкарской АО в автономии, хотя в нём процент казаков составлял 31,1 %, а всех русских – 54,7 % (Всесоюзная перепись населения..., 1928, т. 9, стр. 9). 9 июня 1925 г. президиум крайисполкома счел невозможным возмещение убытков, понесенных казаками из-за «водворения революционного порядка» в пользу горцев (ГАРО, ф. Р-1485, оп. 1, д. 561, л. 98 об; д. 1, л. 130 об-131). 4 декабря 1925 г. президиум крайисполкома отверг просьбы казаков вернуть земли, переданные в 1921–1922 гг. Карачаевской и Черкесской автономным областям (ГАРО, ф. Р-1485, оп. 1, д. 170, л. 92 об).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проявлениями преемственности между этнополитикой поздней Российской империи и Советского государства 1920-х гг. на Юге страны, по нашему мнению, были: 1) императив сохранения суверенитета и территориальной целостности государства, преодоления сепаратизма и разобщённости этнических ареалов; 2) необходимость преодоления кланово-родовых, патриархальных отношений на периферии региона (в нагорных сообществах) и модернизации; 3) объективно сложившиеся экономические взаимосвязи областей и местностей Юга России, делавшие неизбежным их скоординированное развитие в качестве единого общественного организма; 4) проецирование геополитических интересов России на Кавказе, Ближнем Востоке и Балканах, для чего Юг России является во все времена естественным плацдармом.

В наибольшей степени данная преемственность проявилась на этапе развития с осени 1924 по 1926 гг., когда СССР отчасти отказался от утопии самоопределения народов, продвигаемой в устройство государства с октября 1917 г. и этнические автономии Северного Кавказа были поставлены под более плотный контроль всесоюзной и региональной власти.

Одновременно проявлялись черты противоположности между Российской империей и Советским государством в курсе этнополитики 1920-х гг., обусловленные различием идеологий и интересов правящих элит:

- приоритет идеологием православной самодержавной монархии в дореволюционной России и космополитичного проекта мировой революции в ранней РСФСР;

- контрастный социальный состав правящих элит и каналы их рекрутирования (Дроздов, Аманжолова & Трепавлов, 2017);

- переход от унитаризма, основанного на компромиссе имперских и местных традиционных элит, к этнизированному федерализму;

- модель «империи навыворот» в Советском государстве 1920-х гг., при которой этническое русское большинство подвергалось «позитивной дискриминации», а этнические меньшинства периферии получали преференции за свою «революционность» (Дроздов, 2012);

- курс «коренизации» в автономиях Северного Кавказа и местностях проживания дисперсных этнических групп, предусматривавший квоты этнических меньшинств в партийных, государственных и хозяйственных органах, а также внедрение местных языков в делопроизводство и социокультурное пространство в роли приоритетных средств общения;

- форсированные темпы экономического, социального и культурного развития этнической периферии в сравнении с ядром государства;

- перечисленные параметры раннесоветской этнополитики приводили к параллельному, конкурентному нациестроительству в каждой территориально демаркированной автономии, причём партийно-советские органы стремились соблюсти принцип совмещения этнических границ с административными.

Этнонационалистические проявления наблюдались как в автономиях, так и в округах с преимущественно русским населением (Дон, Кубань, Терек, Ставрополье). В русском ареале ситуация осложнялась внутриэтническим конфликтом между казачеством и иногородними крестьянами, между сторонниками и противниками украинизации. Партийные и советские органы Северо-Кавказского края постоянно разбирали и улаживали споры между округами и автономиями по вопросам разграничения, землепользования, статуса диаспор, представительства в органах власти, пропорционального финансирования местных бюджетов.

Как показала практика 1920-х гг., такая модель этнополитики поощряла децентрализацию и этнизацию власти на Северном Кавказе.

Учитывая острый дефицит финансовых ресурсов, полную аграрность сообществ в автономиях, низкий уровень подготовки кадров управления и грамотности, «коренизация» вела к закреплению у власти формально лояльных в отношении центральной власти, но потенциально националистических региональных элит. Например, характерна частая смена руководителей Чеченской и Карачаево-Черкесской автономных областей и обвинения в клановости в адрес председателя Кабардино-Балкарского облисполкома Советов Б.Э. Калмыкова. В условиях коллективизации и неизбежного приближения Второй мировой войны общегосударственная власть сделала неизбежный выбор (1932–1933 гг.) в пользу централизации и деэтнизации федеративной системы.

Вместе с тем, идеологическое, правовое и организационное наследие этнополитики 1920-х гг. остаётся актуальным, в том числе — на Юге России. Наше полиэтничное общество до сих пор во многом остаётся в плену тех примордиальных, «коренизаторских» представлений об этнополитике, которые были сформированы большевистской партией именно в 1920-х гг. С другой стороны, востребован опыт статистических и социологических исследований межэтнических отношений, деполитизации (кантонизации) форм местного самоуправления.

Список литературы

- Mawdsley, E. (1998). *The Stalin Years: The Soviet Union, 1929–1953*. Manchester; New York: Manchester University Press.
- Аверьянов, А. В. (2020). *Национальная политика на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг.* Ростов на Дону; Таганрог: издательство ЮФУ.
- Авторханов, А. Г. (1988). *Империя Кремля: Советский тип колониализма*. Garmisch-Partenkirchen: Prometheus-Verlag.
- Баранов, А. В. (1999). *Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики*. Краснодар: Кубанский государственный университет.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года* (Т. 9). (1928). Москва: Издание ЦСУ Союза ССР.
- Геллнер, Э. (2002). Пришествие национализма. Мифы нации и класса. В Б. Андерсон, О. Бауэр, & М. Хрох, *Нации и национализм* (с. 146–200). Москва: Праксис.
- Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). (б. д.). Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 82. Л. 37-40; Д. 155. Л. 5 об.
- Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). (б. д.). Ф. 5938. Оп. 1. Д. 3. Л. 126-130; Д. 4. Л. 97-98.

- Государственный архив Российской Федерации. (б. д.). Ф. Р-1235. Оп. 121, д. 149, л. 17, 18; Р-1318, оп. 1, д. 179, л. 132; Р-3316. Оп. 17. Д.687. Л. 112.
- Государственный архив Ростовской области (ГАРО). (б. д.). Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 1. Л. 130 об-131, 138 об, 143, 148-148 об, 158 об; Д. 170. Л. 92 об; Д. 561. Л. 98об.
- Данилов., В. П., & Берелович, А. (Ред.). (2000). *Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД: Документы и материалы 1918—1939. В 4-х т (2-е изд.)*. Москва: РОССПЭН.
- Деятельность Центрального Комитета партии в документах (События и факты). (1991). *Известия ЦК КПСС*, 3, 164.
- Дроздов, Константин С. (2012). Украинизация в РСФСР и концепция империи положительной деятельности Терри Мартина. (К вопросу осуществления советской национальной политики на русско-украинском пограничье в 1923-1933 гг.). *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 3(7).
- Дроздов К.С., Аманжолова Д. А., & Трепавлов В. В. (2017). *Этнические элиты в союзных республиках СССР. Этнические элиты в национальной политике России*. Москва; Санкт-Петербург: Новый хронограф.
- Емтыль (Калашаова), З. Я. (2016). *Жернова истории. Социально-политическая история адыгов конца XIX в. – 20-х гг. XX в. В очерках и документах*. Краснодар: Издательский дом Юг.
- Еремеев, К. С. (1921, август). С Кавказа. *Правда*.
- Жупикова, Е. Ф. (1995). *О переселении терского казачества в 1920 году. Возрождение казачества. Материалы всероссийской научной конференции*. Ростов-на-Дону: Логос.
- Капеллер, А. (2000). *Россия—Многонациональная империя: Возникновение; история; распад*. Москва: Прогресс-Традиция.
- Карпов, Ю. Ю. (2017). *Национальная политика Советского государства на северокавказской периферии в 20—30-е гг. XX в.* Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Каррер д'Анкосс, Э. (2010). *Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. До наших дней. 2-е изд.* Москва: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина».
- Каспэ, С. И. (2001). *Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика*. Москва: РОССПЭН.
- Каспэ, С. И. (2005). Суррогат империи: О природе и происхождении федеративной политической формы. *Полис. Политические исследования*, 4, 5–29.
- Кислицын, С. А., & Перехов, Я. А. (1989). Северо-Кавказская партийная организация в борьбе за решение казачьего вопроса на Тереке в первой половине 20-х годов. *Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. Ростов-на-Дону*, 1, 104–112.

- Козлов, В. А. (Ред.). (2011). *Вайнахи и имперская власть: Проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.)*. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Конькова, З. Б. (1995). *Дагестан: Нижне-терское казачество* (Ю. Г. Кульчик, Ред.). Москва: ИГПИ; РНФ.
- Красовицкая Т. Ю. (2012). Конфликт идеалов и практик ранней советской государственности. Механизмы и практики этнополитических процессов (1917–1929 гг.). Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. В Красовицкая Т. Ю. & Тишков В. А. (Ред.), *Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства* (с. 151–206). Москва: Новый хронограф.
- Круглов, В. Н. (2020). *Организация территории России в 1917–2007 гг.: Идеи, практика, результаты*. Москва; Санкт-Петербург: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив.
- Куличенко, М. И. (1984). *Критика фальсификаций национальных отношений в СССР* (М. П. Мчедлов, Ж. Г. Голотвин, & Е. С. Троицкий, Ред.). Москва: Политиздат.
- Ливен, Д. (2007). *Российская империя и её враги с XVI века до наших дней*. Москва: Европа.
- Малышева, Е. П. (2012). Советская власть: Новые формы и методы управления. В *Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства* (с. 135–173). Москва: Новый хронограф.
- Мартин, Т. (2011). *Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР*. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Матвеев, В. А. (2012). *Российская универалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. — 1917 г (Изд. 2-е, испр. и доп))*. Ростов-на-Дону: Омега Паблицер.
- Матвеев, В. А. (2016). *Националистическая Вандея и проявления устойчивости российской интеграции на Северном Кавказе в кризисных условиях, 1917–1921 гг (Изд. 2-е, испр. и доп)*. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета.
- Миллер, А. И. (2006). *Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Морозова, О. М. (2011). Николай Федорович Гикало. *Вопросы истории*, 9, 37–57.
- Панов, П. В. (2011). *Институты, идентичности, практики: Теоретическая модель политического порядка*. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Роговая, Л. А., Кошелева, Л. П., & Гатагова, Л. С. (Ред.). (2005). *ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос*. Москва: РОССПЭН.
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). (б. д.). Ф. 17. Оп. 11. Д. 278. Л. 99; Д. 281. Л. 12; Оп. 16. Д. 916. Л.62; Оп. 67. Д.172. Л. 74; Ф. 65. Оп. 1. Д.69. Л. 1, 85.

- Сталин, И. В. (1947). К военному положению на Юге. В *Сочинения* (Т. 4, сс. 282–291). Москва: Госполитиздат.
- Суни, Р. Г. (2014). Советское и национальное: Единство противоречий. Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. В *Материалы VI международной научной конференции, Киев, 10-12 окт. 2013* (сс. 17–40). Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Тишков, В. А. (2013). *Российский народ: История и смысл национального самосознания*. Москва: Наука.
- Узденова, С. Б. (2014). Учреждения юстиции и правоохранительные органы Карачая в 1917–1943 гг. Извлечено от https://karachai.ucoz.ru/publ/m/obshhie_1/2_2_silovye_strukturny_v_borbe_s_oppozitsiej/28-1-0-1721
- Фергюсон, Н. (2013). *Империя. Чем современный мир обязан Британии*. Астрель; CORPUS: Москва.
- Фортунатов, В. В. (2021). Нужна ли России модернизация? Сравнительно-исторический метод даёт ответ. Исторический путь России: Из прошлого в будущее. В *Материалы международной научной конференции, посвященной 800-летию со дня рождения Великого князя Александра Невского* (сс. 616–623). Санкт-Петербург.
- Хлынина, Т. П., Кринко, Е. Ф., & Урушадзе, А. Т. (2012). *Российский Северный Кавказ: Исторический опыт управления и формирования границ региона*. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН.
- Хобсбаум, Э. (1999). *Век Империи. 1875–1914*. Ростов-на-Дону: Феникс.
- Цуциев, А. А. (2006). *Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004)*. Москва: Европа.

References

- Activities of the Central Committee of the Party in Documents (Events and Facts). (1991). *Izvestiya CPSU Central Committee*, 3, 164 (In Russian).
- All-Union Population Census of 1926* (Vol. 9). (1928). Moscow: Publication of the Central Statistical Office of the USSR (In Russian).
- Archive of the Modern History of the Stavropol Territory (GANISK). (n.d.). *F. 5938. Op. 1. D. 3. P. 126-130; D. 4. P. 97-98* (In Russian).
- Averyanov, A. V. (2020). *National Policy in the Don, Kuban, and Stavropol Territories in the 1920s-1930s*. Rostov-on-Don; Taganrog: SFU Publishing House (In Russian).
- Avtorkhanov, A. G. (1988). *Kremlin Empire: A Soviet Type of Colonialism*. Garmisch-Partenkirchen: Prometheus-Verlag (In Russian).
- Baranov, A. V. (1999). *Multiform society of the North Caucasus in the conditions of the new economic policy*. Krasnodar: Kuban State University (In Russian).

- Carrère d'Encausse, E. (2010). *Eurasian Empire: History of the Russian Empire since 1552 to the present day* (2nd ed.). Moscow: ROSSPEN; Yeltsin Presidential Center Foundation (In Russian).
- Danilova, V. P., & Berelovich, A. (Eds.). (2000). *The Soviet Village through the Eyes of the Cheka—OGPU - NKVD: Documents and Materials 1918-1939* (2nd ed., Vol. 4). Moscow: ROSSPEN (In Russian).
- Drozdov, K.S., Amanzholova, D. A., & Trepavlov, V. V. (2017). Ethnic Elites in the Union Republics of the USSR. In *Ethnic Elites in the National Politics of Russia*. Moscow; St. Petersburg: The New Chronograph (In Russian).
- Drozdov, Konstantin S. (2012). Ukrainization in the RSFSR and Terry Martin's concept of empire of positive activity. (To the Question of the Implementation of Soviet National Policy on the Russian-Ukrainian Borderland in 1923-1933. *Electronic Scientific-Educational Journal "History,"* 3(7) (In Russian).
- Ferguson, N. (2013). *Empire. What the modern world owes Britain*. Astril; CORPUS: Moscow (In Russian).
- Fortunatov, V. V. (2021). Does Russia need modernization? The comparative-historical method gives the answer. Historical path of Russia: From the past to the future. *Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 800th Anniversary of the Great Prince Alexander Nevsky*. St. Petersburg (In Russian).
- Gellner, E. (2002). The Coming of Nationalism. Myths of nation and class. In B. Anderson, O. Bauer, & M. Hroh (Eds.), *Nations and Nationalism* (pp. 146–200). Moscow: Praxis (In Russian).
- Hobsbawm, E. (1999). *Century of the Empire. 1875-1914*. Rostov-on-Don: Phoenix (In Russian).
- Kappeler, A. (2000). *Russia-Multinational Empire: Rise; History; Disintegration*. Moscow: Progress-Tradition (In Russian).
- Karpov, Y. Y. (2017). *The National Policy of the Soviet State in the North Caucasian Periphery in the 20-30s of the Twentieth Century*. St. Petersburg: St. Petersburg Orientalism (In Russian).
- Kaspe, S. I. (2001). *Empire and Modernization: The General Model and Russian Specifics*. Moscow: ROSSPEN (In Russian).
- Kaspe, S. I. (2005). Surrogate of Empire: On the Nature and Origin of the Federal Political Form. *Polis. Political Studies*, 4, 5–29 (In Russian).
- Khlynina, T. P., Krinko, E. F., & Urushadze, A. T. (2012). *Russian North Caucasus: Historical experience of management and formation of the region's borders*. Rostov-on-Don: UNTS RAS Publishing House (In Russian).
- Kislitsyn, S. A., & Perekhov, Y. A. (1989). The North Caucasian party organization in the struggle for the solution of the Cossack question on the Terek in the first half of the 20s. *Proceedings of the North-Caucasus Scientific Center of Higher School. Social Sciences. Rostov-on-Don*, 1, 104–112 (In Russian).
- Kon'kova, Z. B. (1995). *Dagestan: Nizhne-Teri Cossacks*. Moscow: IGPI; RNF (In Russian).

- Kozlov, V. A. (Ed.). (2011). *Vainakh and Imperial Power: The Problem of Chechnya and Ingushetia in the Internal Politics of Russia and the USSR (early 19th—Mid 20th Century)*. Moscow: The Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) (In Russian).
- Krasovitskaya, T. Yu. (2012). The Conflict of Ideals and Practices of Early Soviet Statehood. Mechanisms and practices of ethnopolitical processes (1917-1929). Ethnic and religious factors in the formation and evolution of the Russian state. In T. Yu. Krasovitskaya & V. A. Tishkov (Eds.), *Ethnic and Religious Factors in the Formation and Evolution of the Russian State* (pp. 151–206). Moscow: The New Chronograph (In Russian).
- Kruglov, V. N. (2020). *Organization of Russia's Territory in 1917-2007: Ideas, Practice, Results*. Moscow; St. Petersburg: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; Center for Humanitarian Initiatives (In Russian).
- Kulichenko, M. I. (1984). *Critique of falsifications of national relations in the USSR* (M. P. Mchedlov, J. G. Golotvin, E. S. Troitsky, & Ed), Eds.). Moscow: Politizdat (In Russian).
- Lieven, D. (2007). *The Russian Empire and its Enemies from the Sixteenth Century to the Present Day*. Moscow: Europa (In Russian).
- Malysheva, E. P. (2012). Soviet Power: New Forms and Methods of Administration. In *Territory and Power in the New and Modern History of the Russian State* (pp. 135–173). Moscow: The New Chronograph (In Russian).
- Martin, T. (2011). *The Empire of "Positive Activity". Nations and Nationalism in the USSR*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) (In Russian).
- Matveev, V. A. (2012). *Russian Universalist Transformation and Separatism in the North Caucasus (second half of the 19th century –1917)*. Rostov-on-Don: Omega Publisher (In Russian).
- Matveev, V. A. (2016). *Nationalist Vandei and manifestations of the sustainability of Russian integration in the North Caucasus in crisis conditions, 1917-1921* (2nd, revised and extra ed.; Ed., Ed.). Rostov-on-Don: Southern Federal University Press (In Russian).
- Mawdsley, E. (1998). *The Stalin Years: The Soviet Union, 1929—1953*. Manchester; New York: Manchester University Press.
- Miller, A. I. (2006). *The Romanov Empire and Nationalism: Essays on the Methodology of Historical Research*. Moscow: New Literary Review (In Russian).
- Morozova, O. M. (2011). Nikolai Fedorovich Gikalo. *Voprosy istorii*, 9, 37–57 (In Russian).
- Panov, P. V. (2011). *Institutes, Identities, Practices: A Theoretical Model of Political Order*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) (In Russian).
- Rogovaya, L. A., Kosheleva, L. P., & Gatagova, L. S. (Eds.). (2005). *Central Committee of the RCP(b)-WCP(b) and the National Question*. Moscow: ROSSPEN (In Russian).
- Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). (n.d.). *F. 17. Op. 11. D. 278. P. 99; D. 281. P. 12; Op. 16. D. 916. P. 62; Op. 67. D.172. P. 74; F. 65. Op. 1. D.69. P. 1, 85.*
- Stalin, I. V. (1947). *To the military situation in the South*. Moscow: Goszolitizdat (In Russian).
- State Archive Russian Federation. (n.d.). *F. R-1235. Op. 121, D. 149, L. 17, 18; R-1318, Op. 1, D. 179, L. 132; P-3316. Op. 17. D. 687. P. 112* (In Russian).

- Suny, R. G. (2014). The Soviet and the National: Unity of Contradictions. Soviet Nations and National Politics in the 1920s-1950s. *Proceedings of the VI International Scientific Conference*, 17–40. Kiev: The Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) (In Russian).
- The State Archive of the Krasnodar Territory (GAKK). (n.d.). *F. P-158. Op. 1. D. 82. P. 37-40; D. 155. P. 5 vol* (In Russian).
- The State Archive Rostov Region. (n.d.). *F. R-1485. Op. 1. Д. 1. L. 130 об-131, 138 об, 143, 148-148 об, 158 об; D. 170. P. 92 об; D. 561. P. 98об* (In Russian).
- Tishkov, V. A. (2013). *Russian people: History and meaning of national self-consciousness*. Moscow: Nauka (In Russian).
- Tsutsiev, A. A. (2006). *Atlas of the Ethnopolitical History of the Caucasus (1774-2004)*. Moscow: Europa (In Russian).
- Uzdenova, S. B. (2014). *Institutions of Justice and Law Enforcement Agencies of Karachay in 1917-1943*. Retrieved from https://karachai.ucoz.ru/publ/m/obshhie_1/2_2_silovye_strukturny_v_borbe_s_oppozitsiej/28-1-0-1721 (In Russian).
- Yemtyl, Z. Y. (2016). Reeds of History. Socio-political history of the Adygs in the late 19th century—20s of the 20th century. In *In essays and documents*. Krasnodar: Yug Publishing House (In Russian).
- Yeremeev, K. S. (1921). *From the Caucasus*. Pravda (In Russian).
- Zhupikova, E. F. (1995). On the resettlement of the Terek Cossacks in 1920. *Renaissance of Cossacks. Materials of the All-Russian Scientific Conference*. Presented at the Rostov-on-Don. Rostov-on-Don: Logos (In Russian).